Price in NYC 50¢, outside of NYC $1

СТР.20

ЖЕНЩИНА С ТРУДНОЙ СУДЬБОЙ

СТР.5

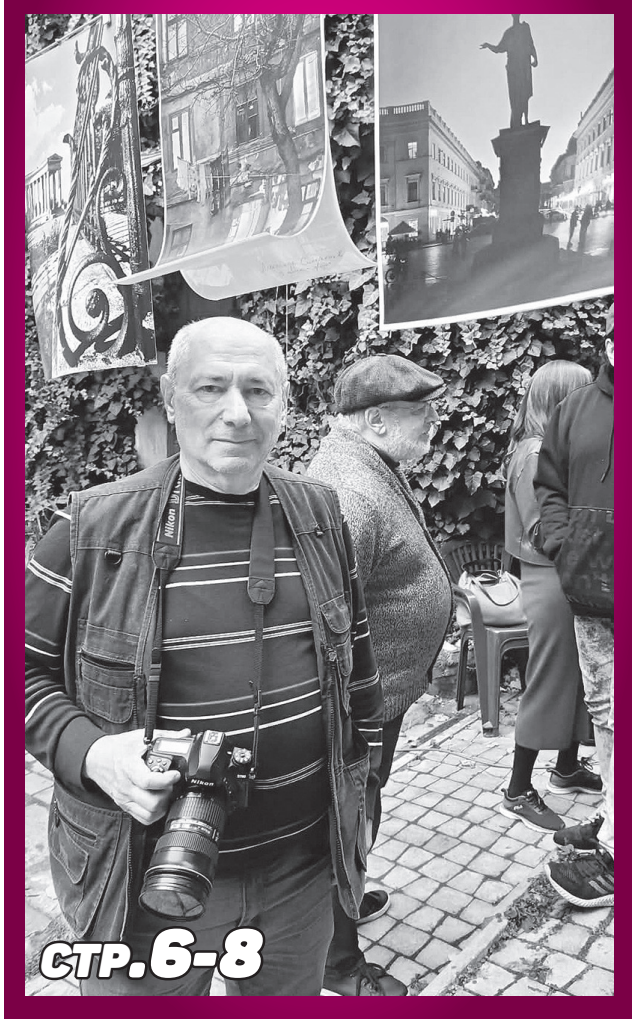
СМЕНИЛА БАЛЬНОЕ ПЛАТЬЕ НА ВОЕННУЮ ФОРМУ

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

Бульварные новости

№44(334)
НОЯБРЬ 2026

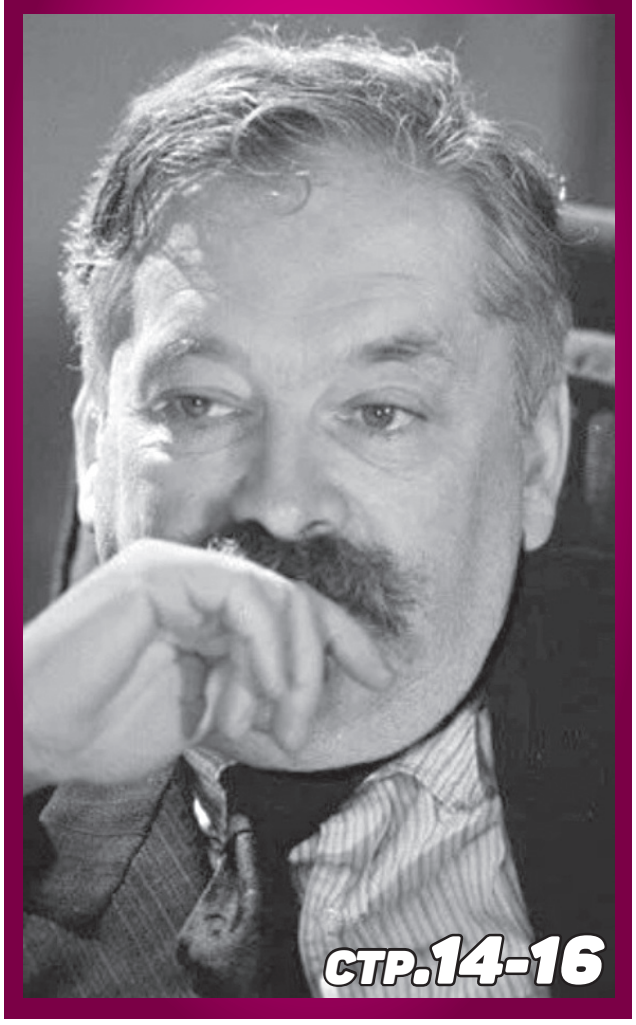
ДВЕ ВЫСТАВКИ В ОДЕССЕ

СТР.6-8

УЙТИ БЕЗ ОБИД

СТР.9-11

ЗАГАДОЧНЫЙ МАРК

СТР.14-16

ЗАГАДОЧНЫЙ МАРК

Исторический философ, великий русский писатель, публицист, химик. Тринадцать раз был номинантом на Нобелевскую премию.

Я познакомился с его произведениями благодаря самиздату и одному из наших вузовских преподавателей Александру Мироновичу Гаркави, который этот самиздат абсолютно открыто держал на книжных полках у себя дома. И давал нам читать.

И мы, затаив дыхание, читали Солженицына, Максимова, Даниэля, Синявского, Алданова...

Геннадий Норд

До конца1980-х годов имя Марка Алданова было почти неизвестно советскому читателю, как и множество имен тех, кому пришлось эмигрировать из революционной России после 1917 года.

Между тем его имя — одно из самых примечательных в культуре русского зарубежья XX века.

Яркий талант, философский ум и блестящее образование.

Строки известного поэта Георгия Иванова можно отнести ко всем эмигрантам:

Голубизна чужого моря,
Блаженный вздох земли чужой
Для нас скорей эмблема горя,
Чем символ прелести земной.

В начале XX столетия Россия наглядно явила миру пример архетипического Исхода, невиданного ни в социокультурном, ни в численном плане. Источники свидетельствуют, в частности, по данным русских и эмигрантских документов 1920 года, число эмигрировавших после Октябрьской революции составляло 2 млн. 92 тысяч человек. Россию покидали граждане всех возрастов и сословий, различной этнической, конфессиональной, профессиональной принадлежности и уровня образования, как говорится в оглавлении одного из научных исследований Русского зарубежья: «Предприниматели и аферисты», «Офицеры и командующие», «Казаки и атаманы», «Профессора и студенты», «Историки и футурологи», «Диверсанты и террористы».

Среди людей, лишенных родного крова по идеологическим и ценностным принципам, был и Мордхай-Маркус Израилевич Ландау. Это подлинная фамилия, позже зашифрованная в анаграмму Алданов, ставшая псевдонимом, а затем и настоящей фамилией писателя, публициста, талантливого очеркиста на исторические темы, философа и химика, который был тринадцать раз номинирован на Нобелевскую премию по литературе.

Алданов — один из немногих в мировой литературе писателей, создавший три трилогии и одну тетралогию.

Выходец из обеспеченной, интеллигентной еврейской семьи киевских сахарозаводчиков Марк Алданов среднее образование получил в Киево-Печерской мужской гимназии, по окончании которой в 1904 году поступил в Университет Святого Владимира, университет, основанный императором Николаем I, где учился на двух факультетах — физико-математическом и юридическом.

Там же увлекся историей западноевропейских, ближневосточных и североафриканских стран. Зная хорошо языки, быт и нравы геополитических соседей, он объездил почти весь мир и везде был своим.

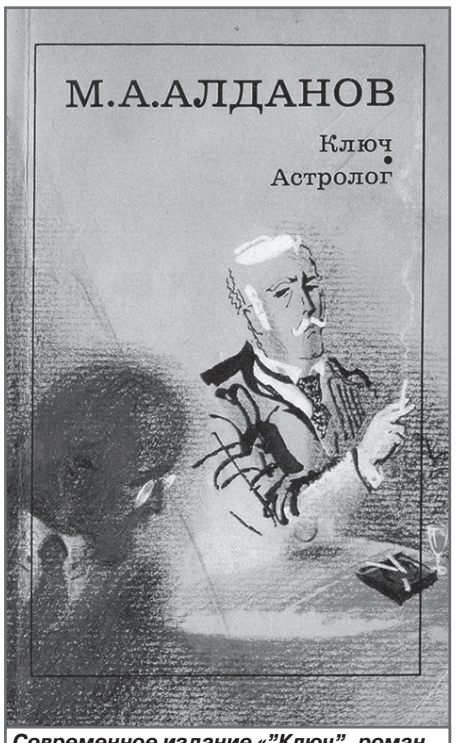
Начало революции в России он встретил в Париже. Позже, вернувшись на время, работал по своей специальности, издавал научные труды.

Любовь к химии жила в нем до конца жизни. Свидетельством тому являются его герои, многие из которых химики.

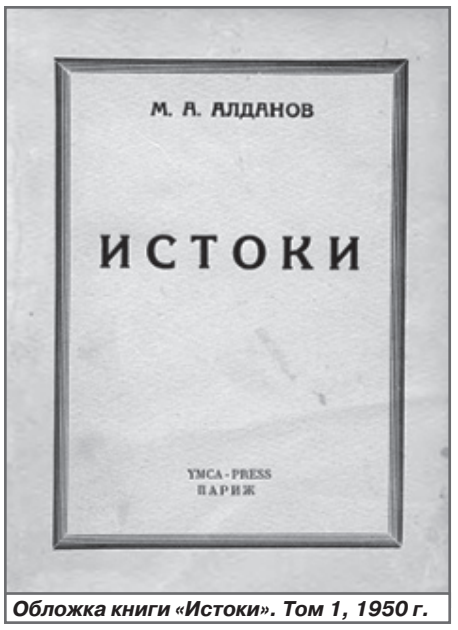
В свободное от работы время занимался литературой. Первое весомое филологическое исследование «Толстой и Роллан» Марк Александрович посвятил двум великим писателям, сопоставляя на их примере нравственные основы французской и русской культур. Но книге не суждено было выйти в печать — из-за революционных волнений рукопись второй части, посвященной Ромену Роллану, пропала. Позже, в эмиграции, Алданов переработал первый том и переиздал его под названием «Загадка Толстого». В своем литературоведческом трактате Алданов научный подход к миру и человеку охарактеризовал как заслугу Толстого-художника. Эта книга понравилась Софье Андреевне Толстой.

Первое издание книги «Толстой и Роллан», том 1, 1915 г.

Современное издание «"Ключ", роман. "Астролог", рассказ», 1990 г.

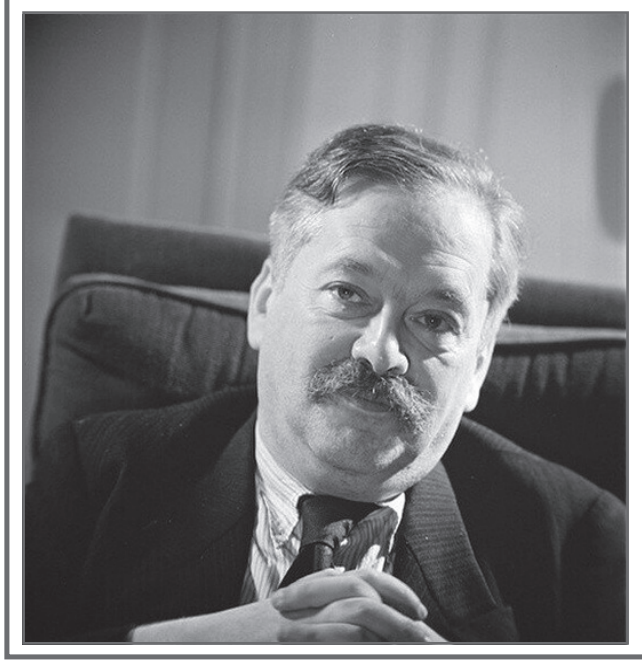
Обложка книги «Истоки». Том 1, 1950 г.

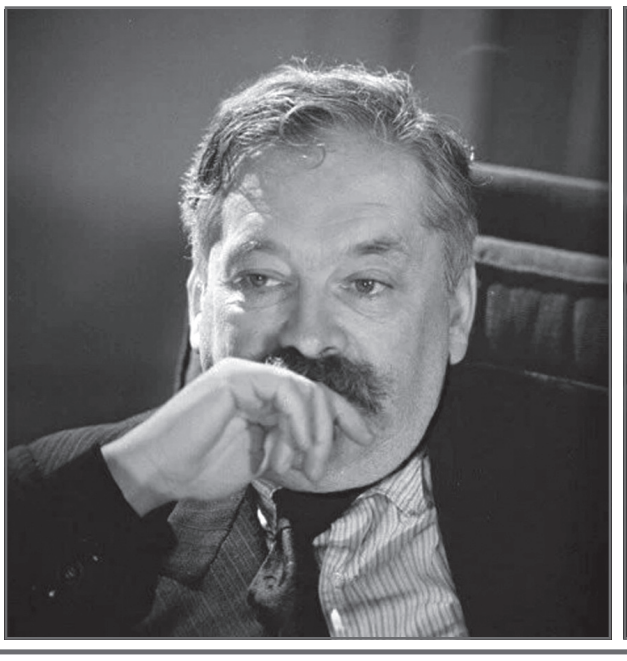
Известный литературный критик предреволюционного расцвета русского модернизма Юлий Исаевич Айхенвальд напишет положительную рецензию, в которой отметит в молодом авторе «зрелого и уверенного в себе ученого-аналитика, знатока истории культуры».

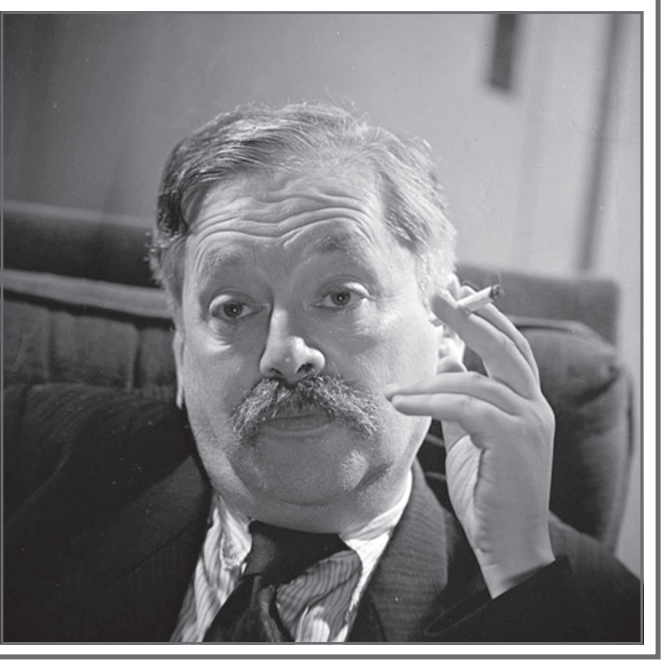
Октябрьскую революцию Марк Александрович не принял. Своеобразное философско-публицистическое посвящение общественно-политическому краху страны «Армагеддон» Алданов выпустит в 1918 году. Описав гипотетическую дискуссию между ученым и писателем — вечный разговор с самим собой, Алданов на фоне исторических событий показывает общественные проблемы в срезе прошлого и настоящего, между царями и революционерами.

Книгу посчитали дикой ересью и запретили печатать. Это стало поводом для эмиграции философа в 1919 году.

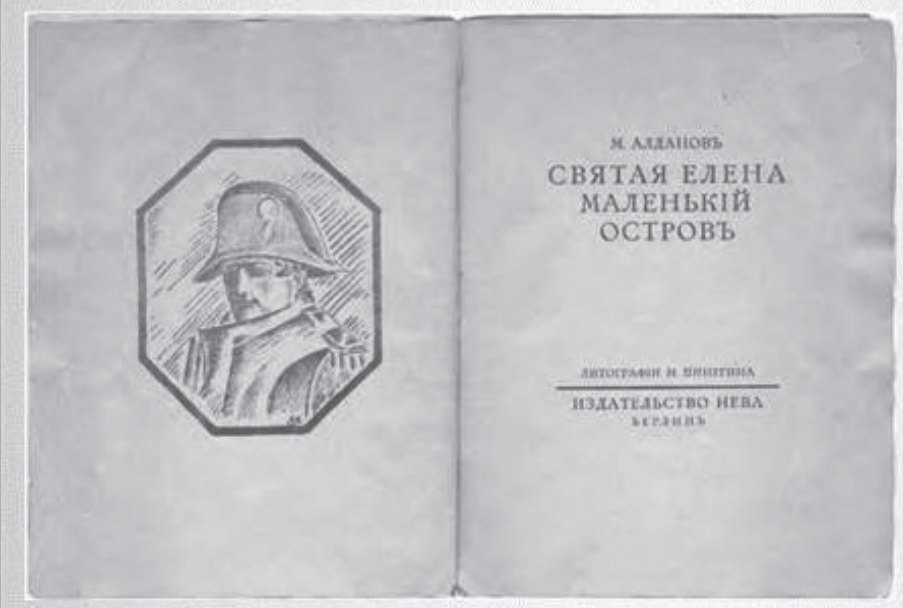
Европа не сразу рукоплескала молодому, талантливому писателю. Франция в первую его эмиграцию осталась равнодушной к творениям Алданова. Он свободно говорил по-немецки, по-английски, получил золотую медаль за знание латыни и древнегреческого. Великолеп-

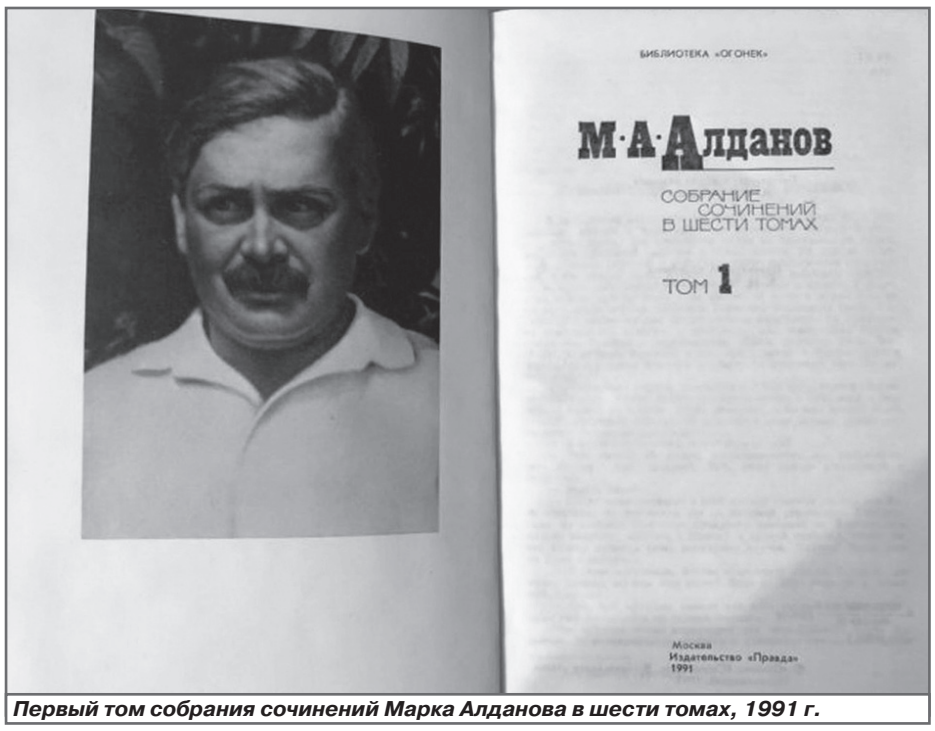
Первый настоящий успех пришел в 1923 году с повестью «Святая Елена, маленький остров».

Произведение стало первым в тетралогии из истории Французской революции и наполеоновских войн «Мыслитель», куда впоследствии вошли романы «Девятое Термидора», «Чертов мост» и «Заговор».

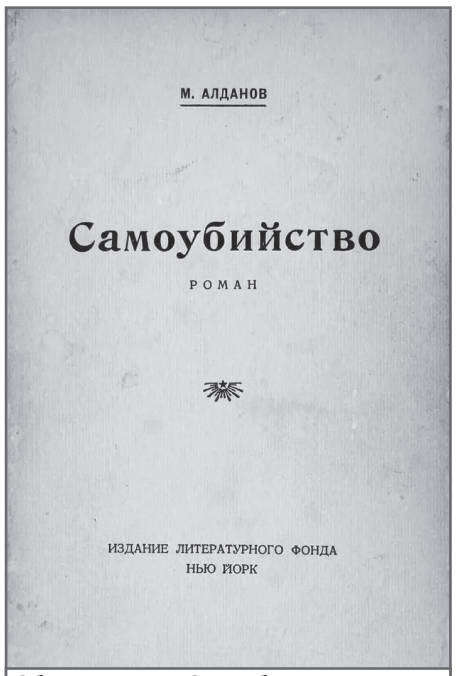
Тетралогия «Мыслитель»

Первый том собрания сочинений Марка Алданова в шести томах, 1991 г.

Обложка книги «Земли. Люди», Берлин, 1932 г.

Обложка книги «Самоубийство», Нью-Йорк, 1958 г.

но владел французским языком, и по духу Франция для него оказалась «ближе к родному дому».

После нескольких переездов по Европе, Алданов ближе к началу Второй мировой войны возвратился во Францию. Здесь прошел почти весь его литературный путь.

Побывав везде, он прижился именно в Париже. Его называли русским Анатолем Франсом. Здесь пришли и слава писателя, и его признание.

В ноябре 1929 года Марк Алданов в предисловии к первому изданию романа «Ключ» писал о том, что его часто представители «левых» политических кругов упрекали в том, что он искаженно изображал часть русской интеллигенции, которая связана с идеями Февральской революции. Посчитав этот упрек безосновательным, Алданов на примере своего литературного труда показал и хорошее, и плохое «в соответствии с правдой».

Никаких «обличительных» целей он не ставил, считая свое поколение преимущественно несчастным.

Изображая, по словам гения литературной критики Георгия Адамовича, «повседневную пустоту», в которой один из героев действует, а второй — философствует, Марк Алданов посредством действующих лиц выражает свои опасения и тревогу о будущем родины. И быть выразителем собственных раздумий он поручает профессору Брауну, начальнику полиции Федосьеву и уважаемому князю Алексею Андреевичу Горенскому («Ключ»).

Идеологическое, мировоззренческое пространство Марк Алданов выстраивает с помощью образов и идей. В данном случае характерен монолог князя Алексея Андреевича Горенского, пользовавшегося в обществе репутацией превосходного, вдохновенного оратора:

— Господа, кто из нас теперь ежедневно не вспоминает проникновенных слов поэта:

Счастлив, кто посетил сей мир
в его минуты роковые...
Его призвали Всеблагие,
как собеседника на пир...

Нам, господа, дано было стать зрителями и участниками одной из самой роковой минуты в истории рода человеческого. Нам довелось приобщиться к титанической борьбе за право и свободу. Но... Сила поставила себя выше права! И зло, господа, пробуждает добро. Против права силы мощно поднялась сила права! На борьбу с чертополохом грубой солдатчины выступила лучшая часть человечества! Она погибнет или восторжествует! Ибо третьего не дано, не дано историей, господа!.. Господа!.. Имеющий уши да слышит!.. Но эти слепцы не видят и не слышат!.. Господа, в эти трагические дни... выйдите на окраины города!.. Взгляните, взгляните же вокруг себя!.. Переполняется вековая чаша терпения народного!.. Приходит позорный конец миру кнута и мракобесия!.. Завтра, может быть, уже будет поздно!

На примере революционных потрясений мысль автора имеет актуальность и продолжение в сегодняшнем дне, когда мир незримо, безрезультативно на протяжении нескольких веков, а уже и воочию, воюет с русской цивилизацией, выстроенной на истоках народного родника.

Читая роман Алданова «Ключ», понимаешь, что он совершенно не об убийстве хочет рассказать, хотя и начинается с убийства банкира Фишера. Основной вопрос «кто преступник?» уходит на задний план, становится малоинтригующим по сравнению с происходящими событиями. Главным явлением становится Февральская революция. То есть, уязвимость, угроза человеческой жизни более масштабны. Исторический фон, на котором выступают персонажи романа, главнее.

Заокеанский алдановед Николас Ли после прочтения «Ключа» говорил об «избранной писателем сюжетной схеме», в которой парит «тень Достоевского».

Несмотря на то, что первая серьезная научная книга была посвящена Льву Николаевичу Толстому, Алданов видел в Достоевском своего наставника. Посредством героев романа «Ключ» автор изображает их удивительно доброе отношение к Федору Михайловичу. В книге Достоевский представлен как писатель, которого предпочитают именитый адвокат Семен Кременецкий и его двадцатилетняя дочь Мария, ласково называемая всеми Муся. В обществе то и дело говорят, что адвокат «Достоевского знает, как сенатские решения» и даже говорит цитатами литературного гения. Федора Достоевского читает и член британской миссии в Петербурге жених Муси майор Клервилль. Хотя многое ему непонятно в книгах автора, а кое-что казалось невозможным и неприличным. Сравнивая русского классика литературы с английским — Чарльзом Диккенсом, который тоже был всегда на стороне униженных и оскорбленных, молодой поклонник Муси не мог представить себе героем английского студента, убившего старуху-процентщицу. В этом противоречивом гуманистическом противостоянии добра и зла, Алданов демонстрирует ментальные черты своих героев.

Для избалованного, изнеженного представителя англо-саксонского мира душа русского человека — потемки. И неспроста в Англии на рубеже XIX-XX веков. появится выражение «загадочная русская душа».

Приверженец философии Платона, в каждом диалоге устами своих героев Алданов находится в постоянном поиске истины. В основаниях истины автор вводит реальный образ Федора Шаляпина. В этом он видит понимание Платоном музыки как перехода из небытия в бытие. Музыка, любовь, истина, красота движет миром и возвышает людей, мотивируя их на прекрасные поступки. Для Клервилля в его влюбленном порыве к Мусе на передний план выходит платоновская мысль о пещере, ибо увлеченный чужестранец пережил ощущение «некоторой растерянности, как человек, вновь выходящий на обыкновенный, солнечный свет после длительного нахождения в шахте, освещенной зловещими огнями». Клервилль понимает, как «понемногу, со страшной силой» затягивается в «новый, чужой, искусственный мир», но он так и не познал тайники русской души — в третьей части книги «Пещера».

Окончание на с.16

Окончание. Начало на с.14

Через некоторое время английский «рыцарь» вернется к себе на родину в спокойный, сытый мир. И куда денется былое почитание, любовь к русскому классику?

Во второй части трилогии «Бегство» показан исторический пласт трагических событий 1917-1918 годов, куда втянуты все герои трилогии.

Бесспорно, роман «Ключ» является единственным литературным полотном, охватывающий своим взором революционные события, их предысторию, невольный рывок в сторону Запада многих русских в надежде укрыться в какой-нибудь пещере на чужбине.

Философские диалоги характерны прозе Марка Алданова. Близкий друг прозаика, композитор Леонид Сабанеев в критических музыковедческих статьях отмечал главную особенность психики Алданова — «известная научность мыслей и даже чувств».

Собрание сочинений Марка Алданова в шести томах, 1991 г.

Первая повесть Марка Алданова «Святая Елена, маленький остров» — о последних днях узника острова Святой Елены — униженного, утомленного, больного Наполеона, открыла читателю большого мастера прозы. Она вышла в журнале «Современные записки» в 1921 году.

В годы Второй мировой войны и в послевоенные ученый, прозаик сотрудничал в качестве постоянного работника в другом популярном эмигрантском издании «Новом журнале». Но эта деятельность занимала много времени и мешала его творческому процессу. В этот период выходит его статья «Второе ремесло» в журнале «Современные записки», где он информирует аудиторию о тяжелом финансовом состоянии эмигрантской литературной элиты, о том, что читателей становится меньше, а авторские гонорары все более скудные.

Находясь в таком положении, Алданов пытался заниматься благотворительностью, помогал людям. Бунин называл его «последним джентльменом русской эмиграции». К слову, будучи лауреатом Нобелевской премии, Бунин несколько раз рекомендовал кандидатуру Марка Алданова на эту премию.

Большой художник исторической прозы Алданов встречался с крупными мастерами пера, именно эти встречи легли в основу его произведений, например, так родились литературный образ Бальзака в «Повести о смерти», образ Достоевского в романе «Истоки».

Однажды Алданову, автору очерка о предводителе анархистов Несторе Махно, предложили лично познакомиться с «батькой», но писатель воспротивился:

— Видите ли, при знакомстве надо подать руку. А мне, все-таки, этого не хотелось бы делать.

В воспоминаниях современников Алданов характеризуется как безупречно учтивый, уравновешенный, корректный, никогда не повышающий голоса, терпимый, снисходительный к людям, умеющий внимательно слушать собеседника и больше оставаться немногословным. Владимир Набоков в «Других берегах» писал о «проницательном уме и милой сдержанности» своего близкого друга, Леонид Сабанеев отмечал «моральный облик изумительной чистоты и благородства» Алданова.

Продолжая мысль музыковеда, можно отметить немаловажную деталь личной жизни писателя. Марк Александрович был женат один раз и на всю жизнь, детей у него не было, но есть родственники — известные специалисты в различных областях знания.

Отмечая «великую историческую добросовестность» Алданова, Георгий Адамович вспоминал в своих записях об удивительном разговоре с философом. Однажды он спросил у прозаика — откуда в его повести «Могила воина» взялась такая деталь: у императрицы Марии-Луизы попугай с голосом Наполеона заучил фразу «Marie, je t'aime» («Мари, я тебя люблю»). Марк Александрович назвал ему источник и, помолчав, не без досады добавил:

— Знаете, это до сих пор мучает меня. Там сказано, что какую-то наполеоновскую фразу попугай повторял. Но не сказано какую. Я ее придумал сам.

Марк Алданов прожил 70 лет, которые можно разделить на два творческих этапа жизни писателя — первые 35 — поиск авторского призвания, а вторые 35 — напряженный творческий труд, чувство ответственности перед читателем и нахлынувшей славой.

Его могила находится на русском православном кладбище Кокад в Ницце (Cimetiere russe de Caucade), это место называют в эмигрантской среде Николаевским кладбищем (Cimetiere russe de Nice).

Книги Марка Алданова были переведены на 24 языка мира.

Произведение Марка Алданова «Ульмская ночь» — драгоценнейший образец философского, мировоззренческого опыта, переданный доступным языком. Огромное журналистское, публицистическое наследие Алданова отличается высокой степенью образованности личности, его энциклопедизмом.

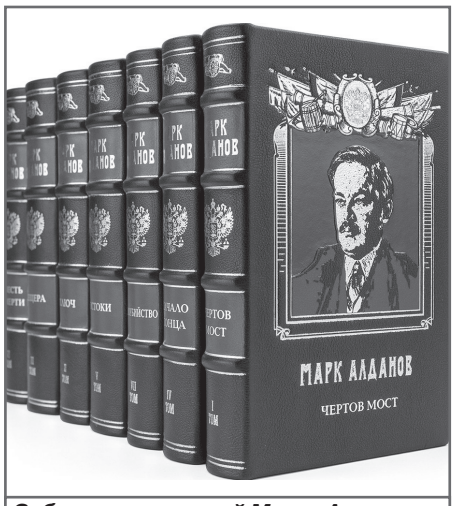
Главное дело жизни писателя — серия из 16-ти романов и повестей, охватывающих без малого 200 лет российской истории от Петра III до Иосифа Сталина в переплетении с выдающимися королями, военачальниками, политическими лидерами мировой истории.

Алданов писал рассказы, пьесы, киносценарии. В библиотеках зарубежья книги Алданова пользовались огромным успехом, и даже обходили по популярности произведения Ивана Бунина и Владимира Набокова.

Мне хотелось бы привести здесь отрывки из интервью Алданова русской службе «Голоса Америки».

Портрет Марка Алданова

Собрание сочинений Марка Алданова в восьми томах в подарочном издании

— Что вы думаете о русской художественной литературе, как эмигрантской, так и советской?

— Я считаю и эмигрантскую, и советскую художественную литературу двумя ветвями единой великой русской литературы. Я думаю, что самое это деление русских писателей на две ветви в большинстве случаев образовалось в результате личных обстоятельств: очень многие советские писатели могли бы, а некоторые, верно, и хотели бы оказаться эмигрантами единственно для того, чтобы иметь возможность писать не по указке ничего не понимающих и тупых властей, а писать совершенно свободно, как пишут американские или западноевропейские писатели.

— А советская пропаганда пытается убедить людей как раз в обратном...

— Большевики постоянно твердят, будто эти западноевропейские и американские писатели нисколько не свободны, и находятся, дескать, в рабстве у капитала. Едва ли разумные люди в СССР таким утверждениям верят. И это действительно совершенный вздор: как в Соединенных Штатах, так и в западноевропейских странах есть газеты всех направлений. Есть и коммунистические, как есть и издательства, охотно печатающие книги авторов-коммунистов, в том числе и русских. Известно ведь, что некоторые романы Шолохова, Симонова, Горького имели в Америке и Западной Европе немалый успех. Один из них был избран тем же «Book of the Month Club», который избрал до того мою книгу.

— Много ли вы читаете советских книг?

— Покупаю или достаю немало. Они, кстати, очень дешевы. Многие советские писатели очень талантливы: например, Панова, Паустовский, Леонов, Симонов, Зощенко... Были очень талантливые и среди погибших: Гумилев, Осип Мандельштам, Бабель, Пильняк... Кажется, в СССР кое-кто приписывает нам, эмигрантам, нерасположение и недоброжелательство к советской литературе. Это совершенная неправда. Я был бы искренно рад и горд, если бы в России появился Лев Толстой. Его там нет, как нет его и среди нас или в западных литературах. Разница в том, что у нас его просто нет. Ведь Толстые рождаются раз в столетие. А в СССР нового Толстого и не может быть. Уж гений-то, во всяком случае, нуждается в известном минимуме духовной и политической свободы. Шекспир, Сервантес, Толстой жили в пору, когда свободы было немного. Кое о чем они не могли говорить, кое о чем не имели права говорить все, что думали. Но их, по крайней мере, не заставляли писать то, чего они не думали, и пределы запрещенного были гораздо уже, чем при советском или гитлеровском строе.

Лев Толстой, воплощение писательского достоинства и независимости, при большевиках, наверное, не напечатал бы ни одного слова.

Если бы Чехов дожил до октябрьского переворота, то он, думаю, стал бы эмигрантом и писал бы в наших либеральных изданиях и в западных или занимался бы, оставшись в России, медициной. И я уверен, что талантливые советские писатели наших дней и писали бы гораздо лучше, если бы могли писать свободно, и не были вынуждены кривить душой на каждом шагу.

— Вы не сожалеете, что эмигрировали?

— Нет, не сожалею. Очень тяжело писателю жить и работать на чужой стороне. Нет у меня, кроме того, колоссальных шолоховских тиражей и соответственных заработков, но, по крайней мере, я писал свободно, говорил то, что думаю и как думаю. Не раз мне случалось писать и о недостатках и темных сторонах западного строя, и, разумеется, делал я это совершенно беспрепятственно и безнаказанно.

Мы, эмигранты, поставлены судьбой в такие условия, что нам легче относиться ко всему объективно и беспристрастно. Далеко не все прекрасно и в демократиях. Но по сравнению с советским режимом они просто рай. И, конечно, не только для «буржуазии», как думают или говорят многие в России, а и для людей, никакой собственности не имеющих. В особенности это, разумеется, относится к Соединенным Штатам. Там любой рабочий живет и материально в 10 раз лучше, чем рабочий советский... Впрочем, это всем известно, Известно и тем, кто это отрицает.

— Вернетесь ли вы в Россию, если там установится более или менее свободный строй?

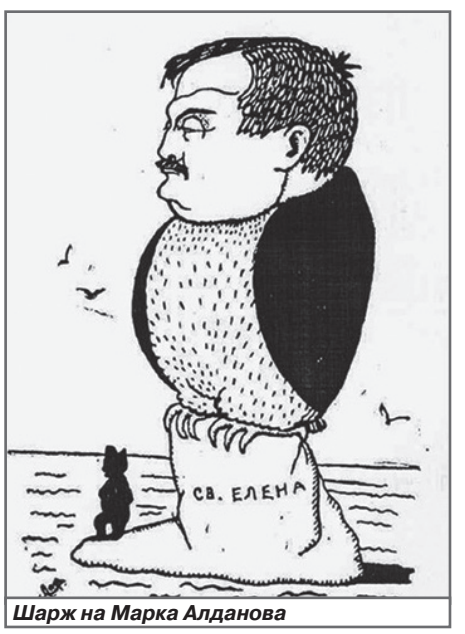
— Не знаю, доживу ли. Но если доживу, вернусь, когда русское посольство поставит визу на мой нансеновский паспорт.

— Марк Александрович, в день вашего семидесятилетия чего вы пожелали бы живущим в Советском Союзе писателям и всем вашим соотечественникам?

— И тем, и другим, и себе желаю, прежде всего, освобождения России. Человеку свойственно и естественно желать свободы — бытовой, духовной, политической — «свободы от страха», по знаменитому выражению президента Рузвельта. Свободы веры и мысли и уверенности в том, что его не могут в любой день ни за что ни про что посадить в тюрьму или расстрелять.

Правда, некоторых казненных или замученных людей теперь либерально «реабилитируют», но это едва ли так уж утешает их близких, оставшихся в живых.

Я не очень люблю политику, еще меньше люблю политические термины, но глупое, случайно создавшееся в мозгу Муссолини слово «фашизм» кратко обозначает то, что я ненавижу. Каким бы другим словом это ни называлось и под каким бы соусом ни подавалось. Желаю человеку человеческой жизни.

Шарж на Марка Алданова